

ТОЛКОВИЩЕ

С.А. Королев

МЫ И ПУШКИН. ОПЫТ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Когда лукавый бес подзуживает нас написать о Пушкине нечто не литературоведческое, не биографическое, а человеческое, слишком человеческое, всегда приходит на ум знаменитое: мал и мерзок, но не так, как вы — иначе...

Потом, как предтеча Интернета, докомпьютерный опиум для народа, просачивается в мозги полуживая мифология советских времен: Пушкин — друг декабристов и сам почти декабрист; царь, ухаживающий за женой поэта и потому желающий ему погибели; свет, желающий того же, поскольку чувствует его, Пушкина, величие, и не может ему этого величия простить; подлый Дантес в кольчуге под мундиром; и, наконец, коварный, международный, русско-французско-голландского разлива, заговор.

И все это подтверждено соответственным символическим рядом: памятник на площади, школьные учебники, портрет на стене в классе, художественный музей его имени, предисловие президента Ельцина к 18-му тому Полного Академического Собрания сочинений Александра Сергеевича...

И традиция делить всех людей эпохи на хороших и дурных, исходя из того, как они относились к Пушкину. На «наших» и «не наших».

Даже используя маски комедии дель арте («Однажды Пушкин переоделся Гоголем...»), преодолеть эту инерцию трудно.

А в самом деле, — был ли Пушкин? Пушкин как нам подобный, как соотечественник, как человек, который обладал характером вполне национальным? *Пушкин как Пушкин?..*

Всю жизнь Пушкин страдал от национальной болезни, от безденежья. Делал долги. Не от зарплаты до зарплаты, а огромные, безнадежные. До наследства или ухода в мир иной. Всю жизнь трудился, как мало кто трудился в его эпоху и в его среде, — и вечно ходил в долгах.

Конечно, виной тому ставшая модой привычка русского дворянства тратить больше, чем имеешь

доходов, дороговизна жизни в Петербурге — а еще непреодолимый азарт игры: «Я предпочел бы лучше умереть, чем не играть».

Он страдал от шулеров (хотя Мавроди в пушкинские времена уже здравствовали, но МММ еще не появилось, зато были другие люди, способные освободить от лишних денег, — люди с быстрыми пальцами вроде галантного поляка Огонь-Догановского, Остолопова или Астафьева).

И был он зависим от мнения публики, от общественного мнения, как говорят сегодня, зависим не меньше, чем какой-нибудь тинэйджер: знал, что жена его ему не изменяет, но — невыносимо считаться роганосцем, нет — даже видеть, как они *играют*, делая вид, что считают его роганосцем...

Забяйка: множество дуэлей, состоявшихся и предотвращенных друзьями. Пушкинские дуэли — бравада, гусарство, следование моде «золотой молодежи», а может быть, и болезненное самоутверждение человека невоенного в обществе, где истинным поприщем дворянина долго считалась служба военная.

Но дуэль — это отстаивание своей чести, это, как заметил в свое время Юрий Лотман, не культура страха, а культура стыда. И это мы понимаем и уважаем. Правда, наша защита собственной чести и достоинства иная: драка, митинг и демонстрация.

Пушкин сентиментален. Привержен к лицейским друзьям, как мы к своим однокурсникам или сослуживцам. Питает слабость к хэппи-эндам, что очень сильно проявилось в прозе, но, слава богу, чаша сия миновала «Онегина».

Неоднократно посещало его желание изменить свою жизнь. «Молодость моя прошла шумно и бесплодно». И что теперь? Жениться — или уехать за границу?..

Своеобразное загнанное внутрь, существующее одновременно с сознанием себя великим поэтом ощущение своей служебной неуспешности. Смешно — дослужился до титулярного советника, как гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин. А каково стать камер-

юнкером под старость лет? Пишет младшему брату: «Ты меня в пример не бери — если упустишь время, после будешь тужить — в русской службе — должно непременно быть в 26 лет полковником...».

И тень неблагонадежности, неблагонамеренности и потенциальной вины перед властью лежит на нем, как на всех нас, и в веке XIX-м, и в веке XX-м.

Невесты, к которым он сватается, отказывают одна за другой. Причиной — неопределенность положения: достойного чина нет, серьезного состояния не имеет... Говорят, на плохом счету у государя. Мамаши опасаются, что их дочери повторят судьбу жен декабристов. Переживает отказы легко, шутя — но, наверное, где-то глубоко внутри... как это говорят сегодня? — комплексует.

Гений уязвим так же, как и обычный человек. Как любой другой, он не имеет противоядия против красоты, даже если за этой красотой зияет пустота. У каждого гения может случиться свое Ватерлоо и своя Наталья Николаевна. («Вот на эти ноги я и купился», — сказал один мой приятель, рассматривая вскоре после развода фотографию своей бывшей жены).

Женолюб, в мнении многих чуть ли не развратник, близкий знакомец многих дам полусвета, посещает известный веселый дом некоей Софьи Астафьевны — и при этом ревнивец, пишет жене, что та вся *искокетничалась*, но сам ухаживает за другими женщинами после женитьбы, да чуть ли не за своей свояченицей...

Ревнуя, кажется то смешным, как десятиклассник, то нарочитым, как плохой актер («скрежешет зубами и принимает всегдашнее выражение тигра»).

Вообще, отношение Пушкина к женщинам не всегда безукоризненно — вспомним хотя бы бедную (в прямом и переносном смысле) А.П. Керн, петербургский период их знакомства...

И конечно, исконная наша нелюбовь к теще. «Теперь кажется все уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следовательно, без больших расходов и без сплетен». Говорит про нее мерзости друзьям и знакомым. Мол, пьет и вступает в неподобающие, обозначаемые в тексте многоточиями, отношения с лакеями.

Ценит семейные узы и свято исполняет вытекающие из этого обязательства. Оплачивает бесконечные долги и векселя брата Левушки. Лев Пушкин — *славный малый*, безалаберный и необязательный, «вечно весел, над всем смеется, находчив и остер в своих ответах, пьет одно вино, хорошее или дурное, все равно» и «не знает вкуса чая, кофе, супа, потому что в них есть вода».

С некоторых пор содержит не только жену, но двух ее сестер, *Азиньку* и *Коко*, хотя двум последним и выплачивает содержание их брат.

Работа, более регулярная, чем у любого стихотворца его времени, но все равно урывками. Братец Лев Сергеевич свидетельствует: «Пушкин писал постоянно только осенью». И многотрудная работа в архивах, которой он очень дорожит. Но результаты этой работы, «Пугачев» — не лучшее, что он сделал.

Суеверен. Зайцы, снующие между Михайловским и Тригорским, перебегающие некстати (или кстати?) дорогу, заставляют его отказаться от поездки в столицу в декабре 1825-го — и возможно, сохраняют ему жизнь и свободу.

Как и мы, сурово судит о политике и полиции (ГАИ-ГИБДД в его время не было): «Улицы не безопасны. Сухтельн [генерал-майор в отставке] был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция видимо, занимается политикой, а не ворами и мостовую».

В своих заметках Пушкин подробнейшим образом описывает разговоры с неким Дуровым, человеком, у которого была мания: любой ценой заполучить сто тысяч.

Разбогатеть сразу, вдруг, на халяву. Украсть, выпросить у государя, зарезать и ограбить — и ни секунды не чувствовать за собой вины. Что это — национальный характер? Или Пушкин видел в этом персонаже нечто от себя, от своей планиды, и конец истории Дурова: «Я женился, а денег все нет», — это то, что было поэту близко и понятно?

И здесь же, рядом, — «Пиковая дама», некто Германн, предавший аскетическую идею накопления ради химеры мгновенного обогащения. Скрытая страсть, азарт одолевают, разрушают разум — и русская душа, приложенная, по трагическому недоразумению, к немецкому уму, этот ум одолевает.

В Пушкине все наше (а вовсе не наше все). И не случайно сегодня проститутка самого низшего пошиба, работающая на площади трех вокзалов и спрошенная: «А с кем из писателей ты с удовольствием *пошла бы?*», отвечает: «С Пушкиным!»

Стало быть, Пушкин — живой человек и истинно народный поэт. Последнее невозможно без первого.

Пушкин некогда написал: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе...».

Написал в частном письме, князю Петру Андреевичу, походя, и никак не объяснил, ни Вяземскому, ни нам, — а *как* он, гений, мерзок? Так ли, как Микеланджело, который, согласно легенде, убил своего натурщика, чтобы правдивее изобразить страдания распятого Христа?

Трудно судить о гении, где и как он мал, — но мы видим, где он слаб, уязвим, беспомощен, как мы, мы видим, когда он мается, — *как мы*, и что у него те же самые болячки, что у нас, и столь же тонкая, чувствительная кожа, — он чувствует уколы судьбы, так же, как самый малый и ничтожный из нас.

В общем, он, Пушкин — совсем, как мы. Один из нас.

Был бы, если бы...

Если бы не чувство собственного достоинства, выбитое из нас страшными и *подлыми* эпохами, чудовищным XX веком.

Если бы не представления о чести — твердые, неколебимые, порой гипертрофированные.

Если бы не сознание того, что он — Пушкин, потомок древнего рода, знавшего и царскую милость и опалу, и ни в славе, ни в горе не уронившего себя.

И если бы не чудо пушкинской поэзии...

<http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?PageContentMode=1&tabid=68>